

Камин? Боже мой! Неужели в нашем доме появился камин?

Ладно, Син Вэй давным-давно заметил, что на стене в гостиной на первом этаже висит большой экран, но, сколько раз ни проходил мимо, особого внимания на него не обращал. Он всегда думал, что за этой тканью скрывается домашний кинотеатр или что стена потрескалась, поэтому Ань Цзиньчэнь повесил занавеску, чтобы прикрыть изъян. Кто бы мог подумать, что на самом деле там прячется просторный камин с классической отделкой и настоящим дымоходом.

— И это не фальшивый электрокамин, а самый настоящий, на дровах. Я припас во дворе целую гору сухих веток. Ну как, хочешь попробовать?

— Конечно, хочу, еще как хочу!

В такую мрачную, холодную и сытную погоду устроиться дома у живого огня — настоящее блаженство. Читая в прошлом английские классические романы, Син Вэй всегда представлял, как уютно устроились те аристократы: сидят перед камином, покуривают сигары, пока их супруги рядом вяжут свитера. Если бы в этот момент у жены на коленях еще древал пухлый ленивый кот, картина и вовсе стала бы идеальной.

Нынешний Ань Цзиньчэнь полностью оправдывал звание идеального домашнего мужчины, страстно любящего заботиться о близких. Син Вэй покрутился у него за спиной, но, не успев толком ни в чем помочь, был усажен на диван прямо возле камина под строгим требованием сидеть смирно. Не прошло и десяти минут, как огонь в камине весело затрещал, на плечи Син Вэя легла толстая теплая накидка, на стоящем рядом столике корзинка из бамбука заполнилась печеньем и орехами, а Ань Цзиньчэнь тем временем неторопливо наполнял для него бокал красного вина.

Это просто... поистине аристократический уровень заботы.

Все лампы погасли, в доме воцарился такой же сумрак, как и на улице, и лишь отблески пламени чуть освещали фотоальбом в его руках. Син Вэй вдруг поймал себя на мысли, что его дом словно превратился в старинный замок, а всё вокруг окутали тишина и покой.

Когда все хлопоты были позади, Ань Цзиньчэнь тоже устроился рядом с Син Вэем, забравшись под его плед. Они сидели, прижавшись друг к другу, и листали альбом, который казался скорее воплощением несбыточной прекрасной мечты, чем хранилищем воспоминаний.

Верно... это ведь всего лишь... несбыточная мечта? Путешествия на страницах этой книги — они ведь не происходили на самом деле? Острова, пустыни, снежные края, бескрайние степи — всё, что здесь запечатлено, они ведь... никогда не посещали вдвоем.

Ведь в то время, к которому он принадлежал, Ань Цзиньчэнь... еще не успел его полюбить.

А значит, совместное путешествие вокруг света, пожалуй, тоже было невозможно. Поначалу Син Вэй думал, что до его гибели осталось еще два года и за этот срок он успеет создать с Ань Цзиньчэнем прекрасные воспоминания. Но Ань Цзиньчэнь осознал свои чувства лишь после его смерти...

Поэтому... ничего не выйдет. Не осталось даже этих двух драгоценных лет, и всё их счастье исчислялось жалкими двенадцатью днями.

Это также объясняло, почему в альбоме был только он сам, а Ань Цзиньчэнь не оказалось вовсе. Иначе и быть не могло: путешествуй они вместе, он непременно стал бы снимать Сяо Аня, делал бы бесчисленное множество кадров, и пусть даже в альбоме не нашлось бы места для него самого, страницы всё равно пестрели бы изображениями самого дорогого для него человека.

Однако выяснять правду у Ань Цзиньчэня Син Вэй не стал. Он по-прежнему молча слушал, как тот описывает каждое место из альбома, оживляя каждую мелочь так ярко, будто они действительно побывали там вместе и оставили самые незабываемые воспоминания.

Уютные часы зимнего вечера у камина неспешно текли своим чередом. Наконец они окончательно решили, что отправятся в Англию — в тот самый небольшой городок, где произошло их первое знакомство. Рядом с приютом рос огромный дуб, под чьими корнями, должно быть, до сих пор хранилась шкатулка с воспоминаниями, закопанная Ань Цзиньчэнем в детстве.

— Кажется, мы закопали ее вместе, когда я был совсем маленьким. Точнее, тот ты, который остался в моих воспоминаниях, и тот парень с фотографии... Надеюсь, это не плод моей фантазии?

Конечно же, не плод фантазии. На фотографии был Син Вэй с короткой стрижкой, лет двадцати или двадцати одного от роду. Разумеется, для нынешнего двадцатилетнего Син Вэя тот парень был всего лишь будущим собой, поэтому у него самого подобных воспоминаний пока еще не было.

— Будущий я закопал вместе с тобой шкатулку с воспоминаниями? Что же там внутри?

— Я уже смутно помню, что именно мы туда спрятали, — с улыбкой ответил Ань Цзиньчэнь. — Но в памяти отложилось... с тем большим дубом была связана какая-то легенда. Именно поэтому мы тогда и решили закопать эту шкатулку, пообещав друг другу выкопать ее ровно через десять лет. Только вот позже я так и не вернулся за ней, так что... та шкатулка наверняка до сих пор лежит под корнями дуба.

— Отлично! Мы вместе отправимся туда, выкопаем ее и посмотрим, что именно мы тогда

спрятали под деревом! А потом будем любоваться морем в Англии, смотреть на снег в заснеженных горах и проведем эти двенадцать дней в радости и веселье!

— Договорились, я сию же минуту закажу билеты. Кстати, — Ань Цзиньчэнь неожиданно бросил взгляд на окно, а затем на часы, — Син Вэй, я вспомнил об одном срочном деле, мне нужно ненадолго отлучиться. Послушно жди меня дома.

— Но ведь говорили, что скоро начнется буря?

— Да, именно поэтому я должен сделать это прямо сейчас. Если откладывать до возвращения из Англии, будет уже поздно.

— Разве я не могу поехать с тобой? — С тех пор как Син Вэй оказался здесь, он еще ни разу не расставался с Ань Цзиньчэнем, и внезапное заявление о необходимости уйти в одиночку заставило его почувствовать себя неуютно.

— Скоро хлынет дождь, так что тебе лучше остаться. Я быстро обернусь, максимум через час.

— Хорошо, я буду ждать тебя дома.

Всего на мгновение, он просто покорно подождет. Успокоив себя этими мыслями, Син Вэй с комфортом устроился на диване и снова налил себе бокал красного вина.

Заведя мотор, Ань Цзиньчэнь поспешно направился в город.

По правде говоря, дело не то чтобы не терпело отлагательств, но завершить его нужно было именно сейчас: по истечении двенадцати дней Син Вэй, скорее всего, больше не вернется в этот город, а значит, ту вещь необходимо купить и подарить ему сию же минуту.

Тот самый якорь, который он видел в магазине LU DE VICI, — якорь, который явно принадлежал Син Вэю, Блеск Синь Вэя.

Купить и отдать ему, и пусть в LU хоть треснут от злости, ведь эта вещь изначально принадлежала Син Вэю!

Ему наверняка понравится... В прошлом он действительно носил ее, и выглядела вещица баснословно дорого. В те дни Син Вэй уже порвал со своей семьей и остался без гроша в кармане, но Ань Цзиньчэнь так и не решился спросить, кто преподнес ему столь щедрый дар.

Может ли быть... что это был я? Вот почему он не расставался с ним?

Дорога от дома до центра города и обратно заняла бы чуть больше часа, совсем немного, и он снова окажется рядом с ним.

— Ох... как хочется спать...

Возможно, дело было в выпитом вине, а возможно, теплый камин обладал сильным снотворным эффектом, но Син Вэй чувствовал, как на глаза неумолимо наваливается дрема. Он несколько раз пытался взбодриться, листал альбом, наполнял бокал и уговаривал себя, что Сяо Ань скоро вернется, однако усталость брала свое.

Наконец он заснул. Его тело склонилось набок, ослабевшая рука разжалась, бокал опрокинулся, вино пролилось, а пламя в камине вдруг взметнулось с яростной силой.

В то же время покрывало, укрывавшее его плечи, начало медленно сползать, языки огня подбирались всё ближе, и в воздухе поплыл едкий запах паленой шерсти.

Когда всё обратилось в пепел, лишь призрачные воспоминания, сокрытые в самой глубине души, стали мгновенной вечностью...

Дом, тот самый дом, который он столько лет любовно обустраивал и берег, прибежище всех его мучительных и счастливых воспоминаний, поглотило море огня. Толпы зевак, пожарные машины — вокруг царил полный хаос.

— Син Вэй... Син Вэй...

Бушующее пламя, густой черный дым. Ань Цзиньчэнь спотыкаясь выбежал из машины. В этот момент лица людей в толпе казались ему на одно лицо, он совершенно не мог никого разглядеть, никого не мог отыскать...

Был ли он все еще внутри? Находился ли он в доме?

— Нет, он все еще там...

Размахивая руками и расталкивая толпу, Ань Цзиньчэнь попытался броситься к горящему зданию, но несколько пожарных вцепились в него мертвой хваткой. Он отчаянно сопротивлялся, а в ушах стоял такой звон, что казалось, голова вот-вот расколется от боли.

— Пустите, пустите же... Син Вэй...

Слез не было, лишь пересохли глаза. Ань Цзиньчэнь безумным взглядом впился в объятые пламенем здание. Нет, нельзя... Этот человек принадлежал ему, он был его самым дорогим сокровищем... Они ведь только-только, пережив разлуку, словно смерть, с таким трудом... с

таким трудом смогли снова обнять друг друга...

— Сяо Ань!

Мир вдруг затих. Под оглушительные удары собственного сердца Ань Цзиньчэнь медленно обернулся. Син Вэй стоял позади него — с испачканным сажей лицом, в грязной одежде, с сильно опаленными длинными прядями волос.

— Ах...

Как хорошо, как же хорошо...

— Ты в порядке? — Крепко-крепко обняв Син Вэя, он долго не отпускал его, и лишь убедившись, что держит в руках живого человека, с тревогой принялся осматривать его на предмет ранений.

— Я в порядке, но... Сяо Ань, прости меня, я сжег твой дом!

— Ничего страшного, всё в порядке. Неважно остальное, главное, что ты цел...

— Но я правда очень виноват...

Никакие слова не могли передать ту безмерную вину, которую испытывал сейчас Син Вэй. Он снова напугал Сяо Аня... Успокаивая слегка подрагивающее тело в своих объятиях, он невольно спрашивал себя: «Син Вэй, да когда же ты научишься не совершать таких глупостей? Человек отлучился всего на час, а ты умудрился спалить его дом! Сколько хлопот ты ему доставил? Как ты возместишь причиненный ущерб? Где этот человек будет ночевать сегодня? Сколько сил придется потратить Сяо Аню, чтобы построить точно такой же дом заново?»

Он и сам не понимал, как допустил такую оплошность. Помнил лишь, что, проснувшись от душливого дыма, обнаружил: половина гостиной уже объята пламенем, температура стояла невыносимая. Поняв, что в одиночку с огнем ему не справиться, он выскочил наружу, попросил у соседа телефон, чтобы вызвать пожарных. Пожарные прибыли как раз в тот момент, когда вернулся Сяо Ань.

— Кстати... — внезапно поднял голову прильнувший к нему Ань Цзиньчэнь, — мой... мой альбом...

Альбом Син Вэй, разумеется, не захватил с собой. Раз та вещь находилась так близко к огню, она наверняка сгорела? Едва эта мысль промелькнула в голове, как Ань Цзиньчэнь уже выскользнул из его объятий, собираясь снова ринуться в дом.

— Сяо Ань! Что ты делаешь? Опомнись, успокойся!

— Мой... мой альбом! Если войти туда сейчас, мы... мы еще можем его спасти! — Ань Цзиньчэнь повернулся к нему лицом, и его остекленевший взгляд испугал Син Вэй. Указав на верхний этаж здания, он прошептал: — Смотри! Несколько альбомов остались на чердаке, их еще не спустили вниз, огонь наверняка до них не добрался!

Чердак, может, огонь и не тронул, но первый и второй этажи уже превратились в сплошное пламя! Как туда вообще можно войти?

— Сяо Ань, запрещаю! — Он вцепился в Ань Цзиньчэня мертвой хваткой и, как тот ни рвался, решил не выпускать его из рук ни за что на свете.

Какой же дурак... До чего глупый...

Ему же за тридцать! Разве собственная жизнь стоит меньше нескольких фальшивых альбомов, не имеющих ничего общего с настоящими воспоминаниями!

— Но... но мой альбом... Это самое ценное, что у меня есть! Без него я... у меня совсем ничего не останется...

Наконец под градом покатившихся слез силы покинули тело Ань Цзиньчэня, и он обессиленно опустился на колени.

— Сяо Ань... прости, прости меня, прости! Во всем виноват только я! Мы никуда не поедem в Англию, ладно? Оставшееся время я помогу тебе отстроить наш дом заново, мы вернем ему прежний облик, хочешь?

— Не вернуть... Это уже не вернуть, всё сгорело дотла, не вернуть... — опустив взгляд и горько улыбнувшись, покачал головой Ань Цзиньчэнь.

Что же мне теперь делать? Чем я еще могу тебе помочь? От этих слов сердце Син Вэй сжалось от невыносимой боли. Его появление здесь обернулось настоящей катастрофой для постаревшего на десять лет Ань Цзиньчэня. Он так хотел утешить его, но не находил ни единого способа всё исправить.

— ...Син Вэй, не уходи.

Внезапно кто-то ухватил его за одежду. Уткнувшись лбом ему в грудь, Ань Цзиньчэнь сквозь слезы умоляюще шептал:

— Син Вэй, я умоляю тебя, не уходи... Не бросай меня снова. Я знаю, что прошу о многом, что

это каприз, но у меня больше ничего не осталось. Не уходи, умоляю, не увай больше! Останься здесь, останься в этом будущем, давай забудем обо всем! Если за это положена кара небесная, я готов принять ее за тебя, прошу, останься!

— Син Вэй, я так сильно тебя люблю... Я так тебя люблю... Останься со мной, ладно? Забудь о прошлом, забудь о будущем, просто побудь рядом. Посмотри на меня... взгляни, как я прожил эти восемь лет? Я так тосковал, я непрерывно раскаивался, я был близок к безумию, я умирал... Если ты уйдешь, как мне жить оставшуюся половину жизни?

— ...Но...

Я ведь тоже хочу остаться, думал про себя Син Вэй. Разве стал бы я отказываться от возможности остаться рядом с тобой, если бы это зависело от меня? Но правила этого не позволяют. Если я нарушу установленный порядок и изменю свершившийся факт, тогда...

Говорят, попытка силой изменить правила может привести к беде.

Однако...

Не попробовав, как узнать?

Ради Сяо Аня, как же не попытаться?!

В конце концов, ему всё равно оставалось жить всего два года, и даже если в этой отчаянной борьбе он лишится даже этого срока, то...

Для него эти два года и так были сплошной мукой, в то время как у Сяо Аня впереди могла лежать долгая жизнь. Но судя по всему, даже проживи он еще полвека, вряд ли ему выпал бы хоть один по-настоящему счастливый день!

К тому же Син Вэй не покидало дурное предчувствие. Нынешний Сяо Ань лишь казался внешне сильным и спокойным, но внутри был невероятно хрупким и заикленным. Что станет с оставшимся здесь Сяо Анем, когда истекут эти двенадцать дней и он вернется в свое время?

Станет ли оставшийся здесь Сяо Ань снова возводить тот сотканный из воспоминаний и лжи дом — идеальный с виду, но на деле зияющий черной дырой, пожирающей людей?

Ань Цзиньчэнь из будущего и без того жил словно во лжи. Безмятежная улыбка, размеренные будни, внешнее обладание всем на свете и в то же время полная отрешенность от всего сущего. Он казался абсолютно прозрачным — не знающим ни радости, ни горя, молчаливым и потерянным странником в этом мире, который давно забыл, каково это — жить ярко и испытывать подлинное счастье.

По правде говоря, Ань Цзиньчэнь мог бы и дальше продолжать такое существование в своем замке со сбитым течением времени, окруженный парными вещицами, вечно ожидая любимого, который никогда не вернется. Но появление Син Вэй безжалостно разрушило призрачный сон Ань Цзиньчэня и предало огню замок из его грез.

Иллюзии полностью рассеялись, оставив перед ним лишь холодную, мрачную реальность. Поэтому... когда он вернется на десять лет назад, что останется брошенному на произвол судьбы Ань Цзиньчэню — сильному и в то же время слабому Ань Цзиньчэню? Будет ли у него хоть какая-то воля к жизни?

Син Вэй чувствовал, что в самых сокровенных глубинах так до конца и не понимал Ань Цзиньчэня. Раньше он думал, что знает его, но, попав на десять лет вперед, понял, что любил все эти годы впустую и на самом деле не имел ни малейшего представления о нем.

А потому он не мог предугадать, не натворит ли оставленный им Сяо Ань глупостей после его ухода.

Разве мог он со спокойной душой уйти вот так просто?

К тому же ему и самому вовсе не хотелось уходить! Да, в прошлом он безумно любил Сяо Аня, любил сильнее всех на свете, искренне полагая, что это предел чувств.

Лишь встретившись с постаревшим на десять лет Ань Цзиньчэнем, Син Вэй по-настоящему познал глубину любви и силу привязанности. А теперь душа нынешнего Сяо Аня была слишком тяжело ранена, он едва дышал — разве можно оставить его без присмотра, не оберегать ежеминутно, не любить со всей искренностью?

Я... не хочу возвращаться.

Правда не хочу!

Прошлые дела, прошлый Сяо Ань и его собственная временная шкала — ему больше не было до этого дела, он не желал ни о чем из этого думать.

Ему просто претило смотреть, как близкий человек снова проливает слезы от боли.

Решимость рождается в единое мгновение. Но цена, которую предстояло заплатить за это решение, обещала быть неизмеримо долгой и тяжелой.

— Хорошо... я больше никуда не уйду.

— Я... останусь здесь. Сяо Ань... я не позволю тебе остаться в одиночестве, я буду вечно рядом

с тобой!

Услышав это, Ань Цзиньчэнь содрогнулся всем телом, поднял голову и испуганно переспросил:

— П... правда?

— Да! — твердо кивнул Син Вэй. Я останусь. Даже идя против небес, даже навлекая на себя кару, я останусь ради тебя.

Мне плевать на всё. Даже если это изменит уже свершившиеся события, даже если всё превратится в нечто непостижимое и неуправляемое, даже если беда коснется окружающих —

Мне больше ничего не хочется знать.

Грохот...

Над темным небосводом пронеслась ослепительная вспышка молнии — буря наконец разразилась, наполняя воздух тяжелым запахом сырости и затягивая солнце черными, свинцовыми тучами.

А лицо Син Вэя мгновенно побледнело.

— Нет...

Этого ведь... не может быть?

Всего лишь гроза? Обычная молния, которая сверкает во время бури, это ведь не... не из-за него же...

Подобная картина была ему до боли знакома. Когда-то давно, еще в те времена, когда он отказывался верить в предопределенность, он уже пытался вернуться в прошлое и повлиять на пару пустяковых мелочей — например, пытался заговорить с самим собой из прошлого, выведать что-то из грядущего. И всякий раз, стоило ему лишь приблизиться, как посреди ясного неба откуда ни возьмись падали ослепительно-белые молнии.

После чего его неизменно силой отбрасывало обратно в его собственное время.

Говорили, что за нарушение правил полагается наказание... но что, если дело обстояло иначе?

Что, если на самом деле... небеса вообще не оставляли ни единой лазейки для нарушения установленного порядка?

Что, если никакого наказания не существовало, а стоило человеку лишь возжелать нарушить законы временных скачков, как его тут же вышвыривали назад в родную эпоху?

— Но... нельзя же так... Я еще не могу вернуться...

Сознание постепенно затуманивалось, голову пронзила тупая боль. Нить, связывавшая его с чужой для него эпохой, истончалась и обрывалась кусочек за кусочком.

— Нет...

— Я же... я еще не могу уйти!

Он внезапно запрокинул голову и истошно закричал в темноту пустоты. Казалось, там, в недостижимой выси, незримо присутствовал сам Творец или какое-то милосердное божество судьбы, способное проникнуться кропицей жалости к его мольбе.

— Я хочу остаться! Я хочу остаться здесь!

Здесь оставалось то единственное, что было ему дороже всего на свете, ради чего он был готов пожертвовать жизнью.

Он ведь только что пообещал ему остаться.

Пусть даже он умел странствовать между временами, изменить свершившийся факт было не под силу. Син Вэй из будущего уже погиб, а потому он не мог остаться здесь ни при каких обстоятельствах. Ледяная реальность жестоко высмеивала ребяческие попытки смертных бросить вызов неизбежному.

Тебе дарована невероятная способность, но ты по-прежнему можешь лишь беспомощно наблюдать за линией судьбы: видеть и начало, и конец, будучи не в силах ничего изменить.

Это было вовсе не благословение, а проклятие.

— Син Вэй...

Среди суетившейся толпы зевак и тушивших пожар расчетов никто, кроме Ань Цзиньчэня, не заметил, как за спинами людей фигура Син Вэя начала постепенно растворяться в воздухе.

— Что это... этого... не может быть...

— Син Вэй, ты же обещал мне остаться...

На грани безумия Ань Цзиньчэнь в отчаянии судорожно обхватил Син Вэя руками, но в объятиях ощущался лишь пустой, леденец воздух.

Да... они ведь обо всем договорились.

Но небеса оказались против... Стоило ему лишь искренне пожелать остаться и больше никуда не возвращаться, как его силой потащили прочь!

Но время ведь еще не вышло!

— За что? Почему вы возвращаете меня прямо сейчас? Пятнадцатидневный срок еще не истек... разве нет? Позвольте мне побыть здесь все пятнадцать дней! Я уже не прошу оставить меня навсегда! Разве нельзя дать мне дожить эти пятнадцать дней? У меня... у меня в этом времени осталось еще двенадцать дней! Как вы можете быть столь жестоки?

Неужели он провел в этой эпохе... всего три дня? Всего жалких три дня?

Восемь лет ожидания Сяо Аня стоили всего трех дней? Как небеса могли оказаться столь безжалостными?

— Умоляю! Я больше не буду просить об оставлении — хотя бы, хотя бы позвольте мне прожить оставшиеся двенадцать дней! Мне нужно всего двенадцать дней! Вы пожалеете для меня даже этого ничтожного времени?

Впереди было еще двенадцать дней, столько всего задумано сделать вместе: съездить в Англию, отыскать шкатулку с воспоминаниями Сяо Аня... Почему, за что же...

И к тому же почему...

Дом сгорел, воспоминания уничтожены, и именно тогда, когда Сяо Ань был наиболее уязвим, когда ему некуда идти и негде жить, его заставляют уйти?

Что будет с Сяо Анем после того, как он исчезнет?

Они ведь договорились вернуться к месту их первой встречи... но как же быть? Он уходит! Уходит так скоро.

Он ведь даже забронировал билеты на самолет, снял номер в отеле... Ха...

Ладно, так ему и надо. Это расплата. Всё это — заслуженная кара.

Тело в его руках становилось все невесомее. Ань Цзиньчэнь внезапно вспомнил про купленный для него якорь-кулон в своем кармане.

— Син Вэй, это... возьми.

— Вернувшись, вспоминай меня... ладно?

Голос сорвался на хрип. Ань Цзиньчэнь ненавидел себя за то, что в самый последний момент слова застряли в горле и он не мог выговорить и фразы.

— Вспоминай меня... а если найдешь способ... возвращайся навестить меня, ладно?

Помни меня. Не того глупца из прошлого, что вечно действовал тебе на нервы, пусть даже десять лет спустя... он оставался все таким же дураком.

— Син Вэй, я буду ждать. Я буду ждать тебя вечно.

Голосов больше не было слышно. Он смотрел в лицо Син Вэя, тот продолжал что-то говорить ему, но слух уже ничего не улавливал.

Чужие пространства разделили их голоса, отгородили свет и тепло и даже преградили путь тоске, перешагивающей через время.

С этой минуты он больше никогда не услышит его голос, не увидит его улыбку и не почувствует тепла долгожданных объятий...

Кто просил его быть столь жадным? Ему показалось мало двенадцати дней, и в итоге он лишился даже их.

Наконец, превратившись в бледный луч света, возлюбленный, о котором он непрестанно тосковал и вспоминал, стал медленно таять на его глазах.

— Ах... а-а-а...

Стоило такому долгожданному... тому, что было потеряно раз и навсегда и чего нельзя было вернуть даже ценой собственных внутренностей, на мгновение вновь оказаться в его руках...

Как всё исчезло, словно призрачный сон, не успев даже начаться.

Кратковременный миг ускользающего счастья — и Ань Цзиньчэнь вдруг почувствовал лютую ненависть к самому себе: что он делал эти три дня? Разве не потратил их впустую? Разве не

продолжал валять дурака? Он ведь мог относиться к Син Вэю намного лучше, всё могло быть иначе! Так почему же он произнес лишние слова, почему совершил столько глупостей и вместо того, чтобы окружить Син Вэя заботой, заставлял его вечно волноваться...

Да что с ним такое... Вечно у него все валится из рук.

Любое сокровище в его ладонях неизменно обращается в прах, он не в силах ничего удержать, ничего сберечь, так было с самого детства.

Вся его жизнь пошла прахом.

Но если закон причинно-следственной связи и впрямь существует... Что ж, если ему суждено лежать на острых шипах, если его тело будет опалять пятикратный жар, если всю свою оставшуюся жизнь он потратит на искупление и ожидание... возможно ли тогда, встретившись в следующей жизни, хоть немного осторожнее оберегать то, что ему дорого?

В полузабытии Ань Цзиньчэню снова показалось, будто он вернулся в прошлое — в ту ночь, когда навсегда потерял Син Вэя, в ту самую ночь, когда ему позвонил Син Вэй.

Человек на том конце провода снова и снова повторял одну и ту же фразу:

Прости, Сяо Ань, прости, прости.

В чем ты передо мной виноват? В то время его сердце все еще оставалось холодным и безжалостным. Он думал: хватит притворяться благородным, ты вовсе ни в чем передо мной не виноват.

И действительно, Син Вэй ни в чем перед ним не провинился.

Но теперь он понял абсолютно всё.

<http://bllate.org/book/24519/2876708>